
УДК 591.5 (470.6)

ББК 28.681 (235.7)

Ш 36

Э.А. Шебзухова, К.К. Хутыз

История и биология кавказского бурого медведя на Северном Кавказе

(Рецензирована)

Аннотация:

В работе приводится анализ исследований с плейстоцена до настоящего времени связанных с кавказским бурым медведем. Описывается, как шло переселение медведя на Северный Кавказ. Дается пищевой рацион, образ жизни, размножение, зимовка и миграции медведя. Прямое и косвенное воздействие на численность кавказского бурого медведя на Северном Кавказе.

Ключевые слова:

Кавказский бурый медведь, окраска, палеолитическая стоянка, плейстоцен, меоты, Северный Кавказ, ареал, популяция, численность, миграции, берлога, питание, размножение, охота, эндемик.

Современные исследователи, такие, как Честин (1991) и Кудактин (1992), считают, что на Кавказе обитает единая полиморфная популяция медведей, где выделяются, по крайней мере, три формы медведей, чётко различающихся по черепам, между которыми отсутствуют переходные формы.

Охотники различают два характерных вида медведей. Один несколько меньше по величине и с менее широкой головой, имеющий на шее полосу белой шерсти в виде ошейника, более кровожадный, именуемый местными жителями – стервятником, другой же – бурый медведь. Отметим, однако, что К. Сатунин отмечал, что белый ошейник часто бывает у обоих видов и не только в малом возрасте, но и во взрослом.

По сведениям бывалых охотников, окраска медведей бывает самым разнообразным. Мы встречали медведей чёрно-бурой и светло-бурой окраски, жёлто-бурых и рыжеватых. Рассказывают, что медведи с тёмной окраской встречаются редко, вероятно, потому, что с возрастом их шерсть приобретает более светлый цвет, хотя известны случаи, когда охотники добывали старых медведей, не потерявших свой тёмный окрас.

Следует добавить к описанию медведей и то, что цвет их весной и летом приобретает более светлые тона.

Откуда появился на Кавказе этот вечный бродяга – крупный и лохматый, грузный и одновременно проворный хищник? Обратимся к далёким временам.

«Кавказ издавна принято считать мостом, – пишет А.В. Лерхе, – по которому в ледниковый период шло переселение европейских животных в Азию и обратно. Так, зубр, по предположению русских зоогеографов перебирался из лесных полос Европы и Сибири через Балканский полуостров и Малую Азию ещё в то время, когда не существовало Босфора, и Малая Азия непосредственно соединялась с Балканским полуостровом. Кроме зубра, из Европы на Кавказ проникли медведи и многие виды семейства куньих...» [8.7] Хотя, как далее отмечает тот же автор, характер фауны Северного Кавказа всё же в значительной степени азиатский.

Древние люди не отделяли себя от всего животного мира. Они думали, что звери их слышат и понимают. Поэтому в своём представлении древний человек классифицировал животных в три мира – «Верхний», «Средний», «Нижний». Дикие животные «Среднего мира» образовывали явно выделяющуюся группу зверей, связанных с охотой. В древнехеттской традиции дикие животные «Среднего мира» объединяются под общим названием «Животные

богов». И в этом списке на втором месте после волка значится медведь. [4.430]

Древние охотники добывали медведя, мясо которого употребляли в пищу. Так на древней Ильской палеолитической стоянке были обнаружены останки двух пещерных медведей. Останки пещерных медведей были найдены в Баракаевской, Даховской, Ахтырской и Воронцовской стоянках древнего человека. Как видим, пещерные медведи водились как на Западных склонах Предкавказья, так и в Причерноморье.

В период плейстоцена на Кубани обнаружены: ранний мамонт – близ станицы Динской; длиннорогий зубр – под станицей Крыловской; под Краснодаром «извлечено почти пять целых скелетов малых пещерных медведей». Черноморское побережье Кавказа в плейстоцене было, по-видимому, весьма удобно для населения палеолитических охотников. Обилие узких долин и ущелий, пригодная для ночёвок тяжёлых копытных береговая полоса приморских террас, защищённых как с севера, так и с юга, наконец, обилие пещер, заселённых пещерными медведями, способствовали успеху загонных охот на крупного зверя. [3.93] Этот же ученый считает, что «бурый медведь (*Ursus arctos*) появился в верхнем плейстоцене. Медведь, поднимающийся на дерево, изображен на серебряном сосуде из Майкопского Кургана. [3.265]

Действительно, яркая и самобытная Майкопская культура, зародившаяся на Северном Кавказе в ранний период бронзового века, отразила и дикий животный мир того периода. В знаменитом Майкопском Кургане среди разных бесценных реликвий было найдено 17 сосудов, среди которых выделялись два серебряных с выгравированными на них рисунками. На одном из них изображён горный ландшафт, состоящий из трёх горных цепей, среди которых выделялись две особенно высокие горы с двуглавыми вершинами. Между горами изображены два дерева и стоящий на задних лапах медведь. Здесь же мы видим изображение лошади, быка, козла, дикого кабана и пр.

Известный след в древней истории Северного Кавказа оставили носители Кобанской культуры, проживавшие в Центральной и Предгорной полосе в конце бронзового и начале железного веков и продвигавшиеся отсюда

на Северо-Западный Кавказ, в Прикубанье, по крайней мере с рубежа II-I тыс. до н. э. И в эти времена, по свидетельству В.И. Козенковой, охотники, обитатели предгорий Чечено-Ингушетии, интенсивно охотились на медведя, наряду с такими дикими животными, как косуля, кабан, волк, лисица, куница и всевозможными птицами. [6.86]

Человек не расставался с медведем и в более поздние времена. Богат и разнообразен животный мир, отобразённый в памятниках меотской культуры. Об этом свидетельствуют находки в местах проживания меотов (Келермесский, Костромской и Ульский Курганы, относящиеся к VII-V вв. до н. э. и другие многочисленные меотские захоронения). Меоты в широком ассортименте изготавливали различные кувшины, горшки, миски, чашки, сосуды, а гончары-художники украшали керамику не только замысловатыми орнаментами, но и изображениями животных. Среди них достаточно часто встречаются образы медведей. В те времена охотники использовали копья, стрелы, дротики с железными наконечниками, а в охоте на медведя могли применять и железный меч.

Медведь почитаем, был и в средние века. Очень интересную композицию с изображением сцены охоты на оленей и медведей отыскал археолог Ф. Сысоев. Это изображение высечено на Гупском кресте, датируемом ориентировочно X-XII вв. В нижнем луче кремневого креста мы видим многофигурную композицию в древне-адыгском стиле, с рисунками двух оленей и двух медведей, собак, всадника с саблей и двух пеших лучников. [9.77]

Значительное место занимает медведь в мифологии адыгов. В сказках и сказаниях он рядом с человеком, часто появляется и в быденных ситуациях. То медведь уносит ребенка в лес, кормит его оленьим жиром и медом («Батыр сын медведя»), то в ответ на то, что человек вытащил занозу из его лапы, приносит ему много меда («Как вылечили лапу медведя»), то за то, что охотник убил льва, который съел медвежат, медведь отпускает охотника («Охотник и медведь») и т.д. Немало охотничьих былей, связанных с этим хищником, передается из поколения в поколение. В одном случае, охотник пробует белый корень травы, недоеденной медведем, засыпает в пещере и спит до весны. Его верная собака не оставила своего хозяина,

осталась с ним и умерла от голода. А когда, через три месяца охотник, пробудившись от долгого сна, вернулся домой, его с трудом узнали аульчане. В другом рассказывается о том, что охотник перерезал лиану, чтобы медведь не смог быстро залезть на дерево, и вследствие этого зверь в битве с кабаном-секачем погибает, а охотник, убив затем того кабана, добыл, таким образом, двух зверей.

Встреча с медведем считалась приметой начала доброго и счастливого пути. При встрече с медведем охотники или путешественники не стреляли в него, а говорили, если самка: «Проходи, проходи – сестра », а если самец: «Проходи, проходи – брат». Так же и у абхазов, по некоторым поверьям, медведь «состоит в большом родстве с человеком. Имеет грудь, как у женщины, борется и умирает как человек, считается что, если, встретив медведя, произнесёшь трижды слово «нан», т.е. мать, то зверь не тронет тебя. По поверью, медведь – это женщина, от стыда ушедшая в лес и ставшая животным!». [2.104] Убийство медведя оправдывалось лишь в качестве самообороны. В таких случаях труп на месте происшествия не бросали, а, согласно обычаю, предавали тело медведя земле и уходили. Уходя, не оглядывались, как это делают на похоронах человека. Снимали с медведя шкуру, которую затем тщательно выдвевали, брали клык и правую лопатку. Шкура становилась талисманом здоровья, богатства и плодородия. По лопатке гадали и определяли будущее. Клык использовался как амулет для предотвращения беды, нападения на охотников и на домашних животных диких зверей, его держали под матрацем в люльке ребёнка, чтобы ребёнок вырос крепким и сильным, как медведь. Часто в люльку ребёнка адыги клали и когти медведя. [2.101]

Важное место в рационе чеченцев и ингушей занимали продукты охоты. В пищу употреблялись мясо оленей, туров, кабанов и других животных и птиц. Запретным считалось мясо медведей, зайцев и уток. [10.43]

Уважением пользовался медведь и у осетинских охотников. «Медведя бы и не следовало убивать, – говорили они, – когда-то он был женщиной, которую бог за дурные дела превратил в медведя, и поэтому он опасен для женщин. Если бы, против чаяния, медведь вздумал напасть на женщину, то следует только

остановиться и обнажить свою грудь, и он, узнав, что это женщина, не тронет ее. [11.197] Медвежий зуб или коготь осетины прибавали к косяку дома, чтобы злые силы не могли проникнуть в дом. Следовало повесить череп медведя у входа в дом, чтобы обезопасить жилище от нечистой силы. С этой же целью когти и зубы медведя вешали на люльке. Культ медведя известен у всех народов Кавказа. Ингуши использовали медвежьи когти для изготовления амулетов: считалось, что они приносят счастье. [7.129] Карачаевцы являлись признанными охотниками на медведей. Опасная охота на медведя давала шкуры, из которых шили медвежьи шубы (айю тон), а также стелили шкуры зверя на пол. Мяса медвежьего не ели, только некоторые внутренности использовали для приготовления лекарств. Так, из жира медведей и барсуков варили лекарства от ревматизма, из желчи – для борьбы с поносом и болезнями мочевого пузыря. Карачаевцы и зайцев убивали иногда для лечебных целей, чтобы приготовить лекарство, а в пищу заячье мясо тоже не употребляли.

Особым почетом у адыгов пользовались охотники, которые приводили в аул живых медведей. Им присваивалось звание Аферым (необыкновенно мужественный человек), и молва о таком охотнике расходилась далеко за пределы родного аула. Об этих мужественных охотниках слагались песни. Таким молодым охотникам девушки давали предпочтение при выборе жениха. Хаджи Брантэ Зэчерий еще в 1924 году вспоминал, что наибольшему риску подвергались молодые охотники, пытавшиеся добыть такую славу. Бывало, что медведь калечил охотников, а некоторые из них погибали. В честь погибших складывали песни-плачи. В традициях адыгов было хоронить охотников вместе со шкурой убитого зверя, которая укладывалась под голову покойника. Вместе с погибшим в могилу опускали и его личное оружие. Брантэ Зачерий называл и конкретного охотника – Купеш Меретука – «который приводил в аул зверя на задних лапах, связав ему предварительно голову с передними его лапами».

О почитании на Кавказе медведя говорят и многочисленные названия хребтов и урочищ, лесов и долин, которые носят название медвежьих.

Медведи на Северном Кавказе водились в изобилии, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники и иностранных авторов, и русских путешественников, и натуралистов. По их свидетельству, медведи водились повсюду, где только был лиственный лес, они попадались и в хвойной полосе. Хотя охота на них была опасна, черкесы добывали медведя, чтобы продавать медвежьи шкуры, когда на Кавказ стали проникать рыночные отношения. О значительном количестве диких животных свидетельствуют и записки Карла Пейсонеля, которые он сделал еще в середине XVIII в. об экспортной торговле Черкессии. Черкесы наряду с кунными, волчьими, лисьими «продавали 3000 шкур айу или медведя, которые отвозятся в Бургез, откуда они выводятся в Германию и Польшу». [1.197]

«Медведи в пределах Кавказа встречаются на очень обширном пространстве, – также отмечал Н. Динник. – На западе область их распространения начинается почти от самого западного угла Кавказа: Анапа, Новороссийск, Геленджик, Джубга, Туапсе. Особенно много в их Майкопском отделе, где они встречаются везде. (1889 г.) В это же почти время егерь Кубанской Великокняжеской охоты И. Крутенко за один год убил 38 медведей, а один охотник в 1890 году, вблизи Сохрайского поселка (Майкопский отдел), за две недели добыл 24 медведя. В районе Кубанской охоты в 1893 г. только в ноябре было убито 24 медведя, а 17-го мая 1903 г. егерь Постечный в один вечер убил 6 медведей». [5.358] Хотя черкесы-охотники, отмечает автор, «не любят стрелять медведя». Видимо, еще в XIX веке адыги отдавали предпочтение народным обычаям и традициям, связанным с охотой на диких животных. О широком распространении медведя на Северном Кавказе писал К. Сатунин: «Само собою понятно, что медведя нет в степях предкавказья, как во всей полосе южной России. Область его распространения на Западе начинается от самого Северо-западного угла Кавказа. Не особенно давно медведи попадались от Анапы, следовательно, у самого начала Главного Кавказского Хребта в Западной стороне Кавказа; и теперь они уже заходят в лежащую недалеко от Анапы долину реки Сукко. Но чем дальше на восток, тем чаще и чаще попадаются медведи на склонах Кавказского хребта. Все леса, густо покры-

вающие горы и ущелья восточной половины Кавказского хребта, изобилуют медведем, особенно в пределах Кубанской области и черноморской губернии, нигде нет такого громадного числа медведей, как близ поселка Псху в ущелье реки Бзыбь. Довольно обыкновенны медведи в лесах Терской области. (Нальчик, Алигир, Владикавказ, Воздвиженское, Ведено). В Дагестане, вследствие безлестной местности, медведи довольно редки. В значительном количестве они водятся только в верховьях Андийского и Аварского Койсу, а также попадают около Гуниба, а еще чаще в западных округах этой области». [12.128]

В те описываемые времена значение пушного зверя совершенно не принималось во внимание. Медведь, волк, лиса, куница, выдра – все были причислены к вредным животным. Почти весь пушной зверь, поэтому был объявлен, что называется, вне закона, т.е. подлежащим уничтожению во всякое время года. [8.5] Собственно, до 1958 года охота на медведя велась без ограничений, каждый охотник убивал в сезон столько, сколько мог. Мясо и шкура добытых животных оставалась у охотников, лишь незначительная часть шкур сдавалась государству (в среднем 10 штук в год). Установление с 1958 года лицензионной системы на промысел медведя явилось прорывным шагом на пути ограждения этого зверя от уничтожения. [14.21]

Ныне в России насчитывается 118,49 тысяч бурого медведя, из них в Северо-Кавказском крае обитает 1 тысяча 920 голов. В Краснодарском крае их насчитывают 540, в Адыгее – 70 особей. В целом, как считают эксперты, состояние ресурсов бурого медведя в России удовлетворительное.

К Западному Кавказу такой вывод можно отнести с большой осторожностью. Браконьерство, принявшее беспрецедентные размеры, а также хозяйственные освоения мест обитания медведя привели к значительному сокращению популяции этого удивительного зверя. Количество медведя в достаточной части Кубани значительно сократилось, в предгорьях Западного Кавказа их стало значительно меньше; если в Кавказском заповеднике по ориентировочным данным А. Насимович (1990 г.) держалось медведя не менее тысячи, а сейчас, как известно, их насчитывается не более 350 особей. Поэтому Кавказский бурый медведь занесён в Красную

Книгу Республики Адыгея и охота на него категорически запрещена. На Северном Кавказе бурые медведи отстреливаются по особому разрешению и в небольшом количестве. Так, в сезон охоты 1998-1999гг. в крае добыто 40 голов, в том числе в Дагестане – 1, Кабардино – Болкарии – 1, Краснодарском крае – 24, Карачаево – Черкессии – 14, в Адыгее, Северной Осетии и Ингушетии вообще не было охоты на медведей.

Как мы отмечали, медведь обитает на Кавказе повсюду, где есть леса, обильная растительная пища. «Любимые места пребывания медведя – глухие горные леса, подальше от человеческого жилья, – писал К. Сатунин. – В начале лета, когда альпийские луга освобождаются от снега и начинают покрываться свежей зеленой травой, многие медведи оставляют леса и отправляются в горы. Особенно часто в этих местах попадаются медведицы с медвежатами. Во второй половине лета число живущих здесь медведей сильно уменьшается, потому что в это время в лесах начинает поспевать черешня, алыча, слива и т.д., и многие из пасшихся на лугах медведей отправляются туда. Но часть их не соблазняется лесными фруктами и остается на горных лугах до конца лета». [12.137]

Медведи совершают широкие вертикальные миграции, что зависит от смены его растительных кормов от уровня моря до верхнеальпийского пояса, поднимаясь до области вечного снега.

Медведь - всеядное животное, с одной стороны, его мощные клыки ярко выдают в нём хищника, с другой – он предпочитает преимущественно растительную пищу. Весной звери выходят из берлог: самцы – с начала марта, самки с медвежатами позже – с 5-10 апреля. Вид у медведя в эту пору лёгкий и тощий. Кормится он в основном травой, листьями, корешками. Но вместе с тем, если ему повезёт, то он находит показавшиеся из-под снега туши оленя, кабана, тура, серны, которые погибли под лавинами. Он употребляет и белые цветы рододендрона, хотя они, как говорят охотники, и ядовиты, он ест их как лекарство против глистов. К растительной пище приспособлены плоскобугорчатые зубы (их у медведя 40), привыкшие к перетиранию трав и кореньев. Многие растения, поедаемые медведем, получили названия «Медвежье ухо», «Медвежий ко-

рень», «Медвежья петрушка» и др. До середины лета медведи находятся в верхней части лесного пояса гор и их альпийских лугах, затем, по мере созревания фруктарников, они спускаются в широколиственные леса предгорий и начинают употреблять алычу, которую очень любят, сливы, яблоки, груши, хорошо разбираются, где сладкая груша, а где – нет. С удовольствием лакомится медведь лесной малиной, причём относится к ней с особым вниманием. Охотники рассказывают, что медведь старается не ломать стебли малины, а осторожно обирает ягоды пастью. Охотно поедает он и смородину, выбирая только спелые грозди. Очень любит косолапый соты земляных ос.

Интересно наблюдать, как этот зверь добывает мёд. Как бы ни жалили его пчёлы, он только сердито ворчит, трясёт головой из стороны в сторону, но лакомится мёдом. Медведь прожорливее всех других животных.

«Хотя медведь является животным всеядным, – отмечает А. Лерхе, – всё же он, в большинстве случаев, отдаёт предпочтение растительной пище: ягодам, в особенности сладким грушам и алыче. Косточки он выплёвывает, а не разгрызает их, как это делают кабаны. К этому прибавляются жёлуди, буковые орешки, каштаны. Не пропускает он и муравьиной кучи без того, чтобы полакомиться и муравьиными яйцами. Займётся ради мёда и разорением пчелиных сотов, не считаясь с жалом взволнованных пчёл, после которых морда медведя тотчас распухает до неузнаваемости. Подбирает попавшуюся на пути личинку насекомого, отведаёт и оставленную в лесу дичь от мелких грызунов до кабана включительно, завалив остаток её хворостом или бурьяном. Будучи голоден, не брезгует медведь и падалью и даже гнилушкой какого-нибудь покрытого мхом и лишайником пня». [8.40]

Осенью медведь нагуливает жир, поедая желуди, буковые орешки, лесные орешки, каштаны, тёрён и рябину. В это время происходит накопление жира, необходимого для благополучной зимовки. «В общем, – как свидетельствует К. Сатунин, – голодать ему на Северном Кавказе не приходится. К зиме наедает огромное брюхо, с толстым слоем сала весом от 5 до 8 пудов, с таким жиром ему легче проспать короткую кавказскую зиму». [12.137]

Подкормившись после зимнего сна, с мая – июня медведь готов к спариванию. Происходит оно один раз в два года. По свидетельству Н. Динника, течка происходит в течение мая, без особого шума и драк. То же самое подтверждает и К. Сатунин: «при медведице бывает обычно один самец, а если бывает два, три, то драк между ними никогда не наблюдается». [12.138] Вместе с тем, некоторые учёные, как Н.Ф. Реймерс, Н. Н. Раковский считают, что, напротив, «гон длится около месяца и сопровождается жестокими драками между самцами. В это время медведи-самцы могут быть опасны и для человека». [13.139]

Медвежата рождаются в берлоге на хорошей подстилке, устроенной заботливой матерью из листьев, сухой травы и мха. Новорождённые весят до полукилограмма и не достигают 25 сантиметров длины. Как говорят охотники, медвежата рождаются размером с рукавичку и их легко можно уложить за пазуху. Прозревают они на 30 день своей жизни. Обычно рождаются два медвежонка, реже – три-четыре. Медвежата ходят с матерью первые два года, а потом медведи прогоняют от себя своих детей.

Многие очевидцы рассказывают, что детёныши резвы и забавны. Г. Успенский так описывает поведение медвежат: «Медвежата заигрывали с матерью, теребили её лапами за ляжки, хватали зубами за клочковатую линияющую шерсть и дёргали её, быстро мотая головами. Видимо, эта игра раздражала медведицу, мешала ей заниматься рододендронами, и она отпихивала своих расшалившихся детёнышей задними лапами. Когда приставания медвежат становились слишком назойливыми, мать оставляла рододендрон, оборачивалась, сердито рывкала и награждала детёнышей сильными тумаками, шлёпая передней лапой под зад. Получив шлепок, медвежонок откатывался в сторону, на несколько секунд успокаивался, но потом всё начиналось сначала». [15.206]

А. Лерхе пишет: «Великолепно лазают медвежата по деревьям и этим сердят свою заботливую мать, которая сначала с фырканьем бегаёт вокруг дерева, а затем с трудом взбирается за медвежатами, беспечно перелезающими с ветки на ветку». [8.41] «Медвежата действительно чрезвычайно забавны, – считает К. Сатунин. – Но отнюдь не своей резвостью и живностью движений, а как раз, наоборот, не-

обыкновенной степенностью и медлительностью своих неуклюжих движений, что придаёт им чрезвычайно комический вид». [12.139] Однако Н. Диннику они казались «скучными, ленивыми, ходили медленно, подолгу копались в земле на одном месте или щипали траву, не обращающая внимания друг на друга». [5.139]

Медведь становится окончательно взрослым к десяти годам, в неволе доживает до 47 лет, и является самым непредсказуемым по своему характеру и поведению диким животным. Хотя медведь и принадлежит к числу самых угрюмых и молчаливых диких животных, он при ранении или, учуяв человека, издаёт такой рёв, который запоминается человеку на всю жизнь. Медведь способен сердито ворчать, воюя с пчёлами или осами, может, подобно волку, щёлкать челюстями. Медведи, считая себя непобедимыми и сильными, весьма самоуверенны. Поэтому по сравнению с другими проявляют равнодушие ко всему, ленивы, только в редких случаях показывают свою силу и мощь. Он вполне может ходить на задних лапах, благо у него, как у человека, есть ступни, но только у медведя они огромны – длинные и вытянутые.

Медведь боится людей, но отдельные экземпляры – медведи-шатуны, не залегшие на зиму, а их на Кавказе немало, – проявляют агрессивность по отношению к человеку. Медведица, защищая медвежат, может напасть на человека, пуская в ход свои лапы и зубы, при этом она громко ревет. Охотничью собаку, попавшую по неосторожности ему в лапы, медведь буквально разрывает на части.

Медведь отлично плавает, как отмечают свидетели, может проплыть более 6 км. Летом купается, а зимой любит покататься по снежной горке.

Как рассказывают бывалые охотники, медведь больше всего любит всякие забавы: то катается на спине, то камни бросает, то дранку с упавшего дерева дерёт, натягивает её как тетиву и бросает – ему нравится издаваемый ею хлопок, то в воде барабанит лапами.

Нам довелось наблюдать в районе горы Дыдыгуш снежное купание медведя. Это был весьма забавный случай! Внезапно мы услышали фырканье зверя, потом, присмотревшись, увидели, как медведь, усевшись поудобнее, скользит с горки вниз. Все мы подумали, что таким образом он от нас удирает, но медведь,

скатившись вниз, вдруг весьма резво, можно сказать, бегом, стал вновь подниматься на гору и с удовольствием повторил тот же номер. Так он, фыркая и забавляясь, повторил всё это несколько раз, причём катился не только сидя, но и лёжа на спине. Увлёкшись снежным купанием, медведь не услышал наши шаги, даже не посмотрел в нашу сторону, только радостно фыркал, пыхтел и сопел. Видимо, правы те, кто считает, что у медведей слабый слух и плохое зрение. Он учуял нас только в ста шагах от него – рывкнул и кубарем скатился в ущелье. Больше мы его не видели. Пока мы подошли к оврагу, его как ветром сдуло.

Считается, что из всех чувств у медведей больше всего развито обоняние. «По своим умственным способностям медведи стоят на довольно низкой ступени развития, – отмечает Н.Я. Динник, – что же касается кавказского, то он, в этом отношении, может быть, даже уступает некоторым из своих сородичей. Кавказские медведи, подобно прочим, очень ленивы, крайне мало наблюдательны, ко всему равнодушны и вдобавок трусливы. Они способны обнаружить храбрость или смелость только в исключительных случаях». [5.361]

Тем не менее, медведь – неплохой охотник. Охотник И. Бессонов рассказывал, что он видел, как жёлтый медведь подкрадывается к сернам. Они заметили его и засвистели. Медведь немедленно упал и укатился в кусты. Серны продолжали тревожно свистеть и топтать. Они глядели туда, где прежде был медведь, а он тем временем уже подкрадывался к ним сзади.

Охотники знают, что, кроме верного выстрела, от расшвирипевшего медведя спасенья нет, так как он бежит быстрее, чем человек, и лучше и быстрее лазает по деревьям. Медведь очень крепок на лапу. Бывали случаи, когда он с пробитым сердцем пробегал более ста метров. Да и раненый зверь, бросившись на выстрел, преодолевает расстояние в двадцать метров за 5-6 прыжков. И не дай бог оказаться у него на пути. Поэтому нельзя стрелять в медведя, если он находится выше охотника. Обычно стреляют в медведя прицельно, в область передней лопатки, немного ниже средней линии.

Охота на медведя на Северном Кавказе находится под полным запретом, правда, иногда происходит отстрел по специальным разреше-

ниям, которые выдаются охотничьими инспекциями. Как мы отмечали выше, до 1958 года охота на медведя велась без всяких ограничений, и каждый охотник убивал в сезон столько, сколько мог. «Множество медведей убивали до самого последнего времени егеря Кубанской охоты, – пишет Н. Динник, – которые, сверх того, что оставляет охотнику убитый медведь (кожа, сало, а иногда и окорока), получали ещё награду за каждого убитого или отравленного ими медведя по пять рублей. Егеря во все времена года, особенно в конце весны и в начале лета, когда легче всего найти и убить медведя, с необыкновенным усердием истребляли их. Я уже говорил, что некоторые из них в один вечер убивали по 5–6 медведей». [5.339] Охоты бывали разные. Охотились на медведя с подхода, охотились с собаками, добывали зверя в берлоге, подкарауливали на кукурузном поле, охотились на тропах вечером или ранним утром или у фруктарников. Ранее из кожи медведя особенно со спины, делали крепкие ремни, получали сало, которое использовали для смазки сапог, ремней, употребляли в народной медицине для смазывания ссадин и ран у людей и домашних животных, изредка применяли его для освещения. Шкура медведя, убитого летом, шла на выделку кожи, зимой же – отдавали на мех, употребляли на ковры, на паласы в санях, на покрытие тахты, и даже изредка на шубу. В наше время наиболее ценным считалась шкура медведя, применяющаяся в основном для украшения жилищ, и желчь, которая широко используется в народной медицине. Мясо медведь съедобное, но жёсткое и невкусное, притом, на Западном Кавказе многие медведи заражены трихенелезом.

И в наше время главным врагом медведя, к сожалению, остаётся человек. Для того чтобы сохранить кавказского медведя, следует неукоснительно соблюдать запрет на отстрел этого прекрасного дикого животного, ужесточить штрафные санкции за незаконную добычу зверя, ограничить проведение сельскохозяйственных мероприятий в поясе широколиственных лесов Северного Кавказа. Тогда благополучие и красота медведя, этого эндемика Кавказа, дошедшего до нас с ледникового периода, сохранится в природе Кавказа. И в этом мы, люди, должны медведю помочь.

Примечания:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974.
2. Азаматова М-К.З. Синкретизм религии адыгов: рукопись. – Из архива Республиканского музея Адыгеи.
3. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа / Н.К. Верещагин. – М.; Л., 1959.
4. Гамкредидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т.В. Гамкредидзе, Вяч.Вс. Иванов. – Тбилиси, 1984.
5. Динник Н.Я. Звери Кавказа / Н.Я. Динник. – Тифлис, 1914.
6. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант / В.И.Козенкова // Свод археологических источников. Вып. 2-5. – М., 1977.
7. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия / Е.И. Крупнов. – М., 1971.
8. Лерхе А.В. Дикие звери Северного Кавказа / А.В. Лерхе. – Ростов н/Д, 1933.
9. Ловпаче Н.Г. Художественная керамика Адыгеи / Н.Г. Ловпаче. – Майкоп, 1995.
10. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. – Грозный, 1990.
11. Периодическая печать Каказа об Осетии и осетинах. – Цхинвали, 1989.
12. Сатунин К.А. Млекопитающие Кавказского Края / К.А. Сатунин. – Тифлис, 1915.
13. Спортивная охота в СССР. – М., 1981.
14. Унарокова Р.Б. Адыгские старинные песни / Р.Б. Унаокова. – Майкоп, 1998.
15. Успенский Г. Смеющийся остров / Г. Успенский. – М., 1972.